

БАРБАРА КАРТЛЕНД

ГОРДАЯ БЕДНАЯ
КНЯЖНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Серия «мини-Шарм» основана в 1994 году

Barbara Cartland
PRIDE AND THE POOR PRINCESS

Перевод с английского *К.А. Криштофа*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения Cartland Promotions
и литературного агентства Rupert Crew Limited c/o Toymania LLC.

Картленд, Барбара.

К27 Гордая бедная княжна : [роман] / Барбара Картленд ; [пер. с англ. К.А. Криштофа]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 224 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-091861-4

Веселый английский повеса-маркиз, искавший в жизни только развлечений, никак не мог предположить, что веселое и нелепое приключение, в которое он втянулся, что называется, «от скуки», обернется для него поистине перстом судьбы.

Потому что лишь судьба могла толкнуть в его объятия нищую и мучительно гордую русскую княжну, чудом бежавшую от ужасов Гражданской войны и — неясно, из страха или из чувства собственного достоинства, — упорно не желающую поверить в искренность чувства мужчины, снова и снова спасающего ее от верной гибели...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Barbara Cartland, 1980
© Перевод. К.А. Криштоф, 2002
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-091861-4

От автора

В этом романе я описала Константинополь таким, каким увидела его в 1928 году. Никогда еще я не видела столь жалкого зрелища, как тогдашние горожане на улицах. Падал снег, было ужасно холодно, но бледное солнце блестело на стройных минаретах и огромных куполах, которые придавали городу великолепный вид со стороны Мраморного моря.

Подавляющее большинство населения города было безграмотным; дети ходили босиком; изнуренные голодом люди с гноящимися язвами на теле; убогие хижины, грязные кучи мусора и ветхие стены — все это красноречиво говорило само за себя.

Туристы тогда только начинали посещать Турцию, и в трогательной попытке обслужить стали открываться второразрядные рестораны и низкопробные кабаре. Бутылка шампанского стоила четыре английских фунта, пища была неудо-

боваримой. Официантами и официантками в основном работали русские эмигранты из того огромного потока беженцев из революционной России, которые остались в живых и не сумели перебраться в Европу.

Аристократичные натянуто-бледные лица официантов выражали беспомощность. Они сновали взад и вперед с полными подносами, которые, казалось, были для них тяжкой ношей.

Когда я вновь посетила Турцию в 1970 году, все выглядело совершенно иначе. Город, переименованный в Стамбул, был прекрасным, процветающим и комфортабельным. Меня шумно приветствовали как любимого автора теперь уже хорошо образованные турки, и единственное, что омрачило мой визит, было легкое землетрясение.

Я глубоко благодарна за факты о зверском убийстве царя и его семьи блестящему историку и моей подруге Вирджинии Коулес, написавшей книгу «Последние из Романовых».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1924 год

Герцог Бакминстерский сидел в салоне своей яхты и читал английскую газету почти недельной давности.

Вошедший в салон сэр Гарольд Нантон взглянул на него с удивлением.

— Я думал, что ты на палубе, Бак, — сказал он, — наслаждаешься красотой шпилей и куполов Константинополя.

— Я видел их до войны, Гарри, — ответил герцог, — и не думаю, что они сильно изменились с тех пор.

Гарри Нантон рассмеялся.

— В Турции, наверное, только они и не изменились, — сказал он. — Я слышал, что Мустафа Кемаль перевернул здесь все с ног на голову, особенно стремясь освободить женщин от традиционных оков ислама.

— Это, без сомнения, будет настоящей революцией.

В голосе герцога слышалось равнодушие, и Гарри Нантон уселся рядом с ним в глубокое удобное кресло — чувствовалось, что хозяин яхты любит комфортную и роскошную мебель.

— В чем дело, Бак? — спросил он. — Ты вроде не в духе последние дни.

Герцог помолчал секунду, затем отбросил свою «Таймс» на пол.

— Да нет. Ничего серьезного, — сказал он. — Просто после всех военных перипетий жизнь кажется довольно тусклой.

Гарри Нантона его слова не удивили.

Герцог больше, чем кто-либо, мог считать свою войну волнующе романтичной. Он возглавлял подразделение бронев автомобилей и аэропланов в составе Королевских военно-морских сил и участвовал в действиях войск Британской империи в Западной пустыне.

Бронированные «роллс-ройсы» герцога принимали участие в самых фантастических и рискованных операциях во время войны. Они освобождали пленных, доведенных до измождения голодом и суровым обращением с ними вражеских шейхов, а также содействовали в качестве подкрепления небольшим войсковым группам, оторванным от главных армейских частей.

Солдаты подразделения герцога сражались столь доблестно, что Уайтхолл очень заинтересовался экспериментом с этими формированиями, к которому многие генералы вначале относились весьма скептически.

После блестящего руководства герцогом этими подвижными подразделениями в ходе военных действий, когда ему и его офицерам пришлось несколько лет рисковать своими жизнями в бронев автомобилях, катерах и аэропланах, правительство обнаружило, что подобные мобильные средства способны в критической ситуации оказывать незаменимую поддержку традиционным методам ведения войны.

— Из всех, кто заслужил награду за отвагу, — сказал Гарри Нантону после войны генерал, командовавший вооруженными силами в пустыне, — я бы, несомненно, назвал в первую очередь Бакминстера. Он не знает, что такое отступление, такого слова просто не существует в его лексиконе.

Уж Гарри Нантон знал об этом лучше всех. В то же время он понимал, что хотя война стала для герцога временным стимулом и дала ему ту жизненную энергию, которой так недоставало в его прежней роскошной, но праздной жизни, теперь, после окончания войны, он словно чувствовал себя судном, лишенным руля.

Один из богатейших людей Англии мог бы обременить себя разве что заботой об огромных поместьях и мыслью о наследнике для продолжения древнего рода и сохранения своего титула.

Исторически герцогство было сравнительно молодым. Этот титул был пожалован его деду королевой Викторией за службу на благо империи.

Но фамильные титулы графов Минстерских существовали уже в XVI столетии, и их имена тесно переплетены с историей Великобритании.

В настоящее время герцогу Бакминстерскому выпала лишь участь быть современником правительства, оказавшегося в руках недалеких политиков и в котором не было места для герцога с его умом и заслугами.

Так что герцогу ничего не оставалось, как вновь погрузиться в жизнь светского общества, в центре внимания которого он был до 1914 года. Он вновь стал устраивать приемы, вечера и балы с той же пышностью, в те же сезоны и по тем же поводам, в духе прежних обычаев, унаследованных вместе со своим титулом в возрасте двадцати одного года.

Перемены в послевоенные годы коснулись только женщин. Он искал новых увлечений, поскольку прежние его пассии теперь постарели.

Тридцатипятилетний герцог обнаружил, что ему наскучили смазливые барышни, их звонкие,

как колокольчики, голоса, их болтовня — ничто не тешило его тщеславия и казалось однообразным.

Женщин привлекал в нем не только его титул.

Более шести футов ростом, красивый, широкоплечий, герцог, по мнению друзей, был бы неотразим и без своего высокого сана.

Однако богатство и знатное происхождение обеспечили ему лидирующее положение в лондонском свете, а его имя не исчезало из газетных светских хроник.

Естественно, что Круг Бакминстера — как называли фешенебельное общество герцога — пробуждал огромный интерес у тех, кто с нетерпением следил за популярными газетами, чтобы почерпнуть там сведения о высшем свете.

Как говорил лорд Нортклиф своим издателям, «пусть в газете будет побольше имен, и чем они аристократичнее, тем лучше!».

Посему не проходило почти и дня, чтобы имя герцога Бакминстерского не появлялось в прессе, а его фото — хотя бы в одном из журналов.

Гарри Нантон видел, как заметнее становятся на его лице появившиеся еще до войны морщины, на которых явственнее проступала тень сарказма.

В голосе герцога тоже все чаще слышались сухие насмешливые нотки, ставшие почти постоянной его интонацией. Гарри печалило еще и то,

что в серых глазах герцога уже не было той искренней живости, какой светился его взгляд во время войны.

Гарри Нантон на три года был старше герцога и в течение всех четырех военных лет почти никогда с ним не разлучался. Они переносили вместе тяготы войны, тревоги и опасности, испытывали одинаковое чувство ужаса при виде жестокостей германцев по отношению к их пленным товарищам. Турки также не щадили своих врагов, что не удивляло его. Поскольку они оба с отвращением относились к безжалостному обращению с пленными, Гарри был удивлен, что герцог согласился посетить Константинополь, ведь связанные с Турцией неприятные впечатления были еще свежи в их памяти.

Но Долли захотела, чтобы яхта герцога зашла в Мраморное море и доставила их в эту столицу, которую называли Жемчужиной Востока.

Гарри никогда не посещал Константинополь и был совершенно уверен, что город не оправдает своей славы. Долли же оказалась непреклонна, и поскольку герцог все еще находил ее очаровательной (хотя Гарри казалось, что он начинает немного охладевать к ней), уступил ее настояниям.

— Я хочу побывать в Константинополе, — откровенно признавалась она, — чтобы попытаться купить там великолепные русские собо-

льи меха или шикарные украшения. Я слышала, что их продают на базарах те, кому удалось убежать от большевиков.

Она, конечно, надеялась, что герцог купит ей все, что она захочет. Гарри знал цену украшениям, которые герцог уже подарил ей, и иронично спросил:

— Все еще коллекционируешь, Долли? А я думал, что ты уже с лихвой обеспечена украшениями.

Она не обиделась его наглому тону и рассмеялась.

— Какая женщина скажет, что у нее уже достаточно украшений? — спросила она. — Ты же знаешь, Бак может позволить мне это.

Гарри не стал бы спорить, что драгоценности ей идут.

Долли была блистательна, ее красота пришлась бы по вкусу модернистам и имела мало общего с величественными красавицами, подобными Юноне.

Долли с ее пушистыми белокурыми волосами, большими голубыми глазами и розовато-белой кожей воплощала собой ту красавицу, о которой грезили в окопах мужчины, молившиеся о том, чтобы выжить и встретить такую женщину.

Природная веселость Долли придавала ее словам и поступкам шарм милой шутки.

У нее были изящные ножки танцовщицы и тонкая стройная фигурка. Долли олицетворяла собой женственность во всем и могла заставить мужчину заплатить больше и больше за свою благосклонность. Она была уверена, хотя и не высказывала этого, что мужчины способны оценить по достоинству лишь то, что дорого и труднодоступно.

Ее амбициозная матушка устроила дочери блестящее замужество в восемнадцать лет, и, став графиней Чатхэм, Долли в двадцать четыре года главенствовала в кругу респектабельных молодых замужних женщин, украшавших ночные клубы Лондона и Парижа.

Когда она привлекла к себе внимание герцога Бакминстерского, этот ее триумф стал объектом восхищения и зависти среди английской знати. Вдовы, сохранившие еще какие-то понятия о благопристойности, укоризненно покачивали головами.

«Долли Чатхэм и Бакминстер, — неодобрительно говорили они друг другу. — Ничего хорошего из этого не получится!»

Через полгода они задавались вопросом, а что думает Роберт, позволяя своей жене быть объектом таких скандальных пересудов.

Графа же, казалось, это не особенно интересовало.

Похоже, что его, как и герцога, одолевала скука мирного времени, да и постоянно сопровождать красавицу жену на званые ужины и в ночные клубы, где она неизменно танцевала с другими мужчинами, не очень-то ему было по душе.

Лишившись возможности сражаться с германцами, он отправился в Африку охотиться на крупную дичь, и если он и знал о бесконечных сплетнях о его жене и герцоге, то не придавал этому особого значения.

Возможно, жажда новых украшений заставила Долли предложить герцогу круиз на яхте, начав его в Пасху, а может быть, как и Гарри, она почувствовала, что интерес к ней Бака ослабевает, и, чтобы удержать его, решила как-то развлечь.

Герцог не возражал против того, чтобы покинуть Лондон и отправиться в солнечные края.

Ему хотелось также испытать свою новую яхту, которая была самой большой из построенных после войны. Он потратил на нее много времени, улучшая ее конструкцию и добавляя к ней много приспособлений, изобретенных им самим.

Ее называли «Сирена», и в светской хронике газетчики высказывали множество догадок о том, какая женщина подразумевалась под этим названием. Кого бы герцог ни имел в виду, во всяком случае, Долли, несомненно, отождествляла себя

с этим именем так же, как и чувствовала себя хозяйкой круиза.

Она тщательно подбирала гостей для вояжа.

Лорд и леди Рэдсток были друзьями герцога, а Нэнси Рэдсток — ближайшей подругой Долли, по крайней мере насколько Долли вообще могла бы дружить с женщиной.

Долли ценила в Нэнси то, что она не способна была соперничать с ней в красоте. Тем не менее герцог всегда привечал Нэнси, поскольку ему было с ней весело.

Нэнси заставляла его смеяться и своим остроумием обычно могла сгладить какую-либо неловкую ситуацию.

Она не смущаясь заявляла, что не прочь была бы всю свою жизнь провести рядом с герцогом хоть на краю света, потому что роскошь ей больше по душе, чем те жалкие потуги, которые она делает, чтобы создать видимость приличной жизни «на доходы бедного Джорджа».

«Я недостаточно хороша, чтобы быть золотодобытчицей, — говорила она с обезоруживающей откровенностью, — поэтому мне приходится быть приживалкой. Ты ведь не возражаешь, правда, Бак, дорогой?»

Герцог от души смеялся над ее прямоотой и иногда делал ей небольшие подарки, которые она принимала, осыпая его благодарностями, а будучи женщиной неглупой, не ревновала к тем ценностям, которые доставались Долли.

Друзья герцога знали, что он был довольно разборчив в своей щедрости и, как правило, отличался прижимистостью.

Гарри всегда думал, что герцог подозревает каждого в стремлении как-то обвести его вокруг пальца, чтобы воспользоваться его богатством.

Герцога возмущало, что он должен за все платить больше, чем другие.

Еще в юном возрасте он решил никому не позволить одурачить себя, потому он тщательно проверял каждый присылаемый ему счет. Ходили слухи, что он увольнял любого служащего, пытавшегося хоть как-то провести его, пусть даже в малом.

Его настороженность была понятна, когда он только вступал во владение наследством, но потом это превратилось в навязчивую привычку, и Гарри начинал думать, что его жесткость и подозрительность портят ему характер, лишая прежнего обаяния.

Но Гарри был слишком деликатен, чтобы сказать об этом прямо, и чувствовал, что герцог уже недоволен настойчивостью Долли, желавшей заставить его заплатить за драгоценности гораздо больше, чем того требовали приличия и сложившиеся между ними взаимоотношения.

— Колесо истории невозможно повернуть вспять, Бак, — сказал ему Гарри, — вот увидишь, когда в стране все утрясется после войны, ты найдешь интересное для тебя дело.